

Тан Сун подумал, что Фу Синчэнь немного глуп. Если бы он был омегой, разве он решился бы спросить альфу в беспокойном состоянии, что делать?

Он затянулся сигаретой, щёки слегка надулись, и он повернулся к Фу Синчэню. Белый пуховик требовал хорошего чувства стиля, иначе выглядел бы уродливо, но Фу Синчэнь был исключением. Он от природы подходил для светлых тонов, особенно белый делал его чистым и прекрасным.

Тан Сун подержал дым во рту, прежде чем выдохнуть:

— Просто побудь со мной.

— Хорошо, — согласился Фу Синчэнь.

Альфы в спортзале потихоньку расходились. И Цзялэ написал Фу Синчэню в WeChat: [Продолжим вечером].

Мальчики в этом возрасте так или иначе думали о сексе, особенно альфы, но для Тан Суна это был первый подобный случай. Он сам удивлялся, как обычный запах красного вина мог вызвать у него такие неподобающие мысли.

Он ещё не понимал всех физиологических связей между альфами и омегами, которые беты называли просто неудовлетворённостью, но для АВО это было выбором феромонов.

Иногда это было несправедливо для всех.

Фу Синчэнь всё это время печатал, записывая реакции Тан Суна. Тан Сун вёл себя спокойно, ничего не говорил и не делал, только курил. Запах сигарет смешивался с ароматом цветов, создавая уникальную атмосферу.

Фу Синчэнь искренне считал, что альфа с ароматом цветов — это довольно сексуально.

Тан Сун наклонился, чтобы посмотреть, что он печатает, и увидел запись: «Феромоны достигают пика через десять минут, затем постепенно ослабевают».

Тан Сун...

— Брат, я тут борюсь с самим собой.

Фу Синчэнь немного опешил, опустив взгляд на Тан Суна...

— Нет, наверное.

— Блин! Брат, ты что там читаешь? Ты мне всю голову забил!

Фу Синчэнь тоже умел шутить, Тан Сун подумал, что в этом мире не осталось чистых людей. Он немного занервничал.

Фу Синчэнь же нашёл это забавным. Казалось, он всю свою жизнь накапливал чувство юмора, чтобы использовать его на Тан Суне, и теперь решил, что Тан Сун равен или даже больше, чем просто забавный.

Он продолжал записывать в заметки под названием «Наблюдения за Тан Суном»: «Физиологический импульс может вызывать раздражение, но не агрессию». Подумав, он решил, что слово «агрессия» слишком субъективно, и удалил его.

Когда Цуй Янь получила сообщение и пришла, в спортзале осталось совсем немного людей. Аромат цветов начал рассеиваться, но остаточный запах был всё ещё сладким и манящим.

Тан Сун, расслабившись, прислонился к Фу Синчэню, играя в игру, а Фу Синчэнь листал Таобао.

Чем дольше знакомишься с Фу Шэнем, тем больше понимаешь, что он сам спускается с пьедестала бога учёбы.

Он был ленивым, рассеянным, не был образцовым учеником, но и не создавал проблем. Стиль Фу Синчэня заключался в том, что, пока все мальчишки играли в игры, он листал Таобао.

Его Таобао был настоящим кладом: от учебников до аудиосистем, от закусок до мебели. Он даже смотрел туры в Таобао.

Цуй Янь вздохнула, с головной болью. Она смотрела фильм, как раз на самом интересном месте, и её вызвали.

— Мелкие негодяи!

Тан Сун и Фу Синчэнь одновременно повернулись и молча убрали телефоны.

Цуй Янь была бетой. По статистике, 80 % людей вокруг — беты, но это не мешало ей иметь кучу альф, которые создавали ей проблемы.

— Ты уже остыл? — спросила Цуй Янь Тан Суна. Она давно перестала бороться с их телефонами, ведь если запретить, то половина класса останется без связи.

— Остыл.

— Этот омега попал в больницу, спровоцированная течка.

— Настолько серьёзно? Мне нужно нести ответственность?

— Заткнись. Ты просто притягиваешь к себе всех, кто попадает на глаза.

Омеги были в невыгодном положении по сравнению с альфами. Например, спровоцированная течка могла возникнуть даже без высокой совместимости, альфа мог легко подчинить омегу.

Тан Сун вспомнил статьи, которые читал о расовых недостатках омег. Омеги были хрупкими и красивыми, их жизнь была гораздо сложнее, чем думало большинство, особенно альфы.

Тан Сун, с его склонностью к сочувствию, сказал:

— Учительница, в какой он больнице? Я пойду навещу.

— Ты что, с ума сошёл? — Цуй Янь хотела что-то бросить в него, но в руках ничего не было, и она только зло посмотрела на него. — Ты всё сделал правильно, ничего не случилось, так что на этом всё. Ты что, хочешь развивать это дальше? Его родители специально позвонили мне и сказали, что не хотят, чтобы это повлияло на учёбу в выпускном классе.

— Вы что, я просто хочу проявить гуманизм.

Фу Синчэнь хотел посмеяться, он просто наблюдал за этим, но Цуй Янь, всё ещё переживая из-за потраченных 38 юаней на билет в кино, обратила свой гнев на него.

— И ты! Это ты утром варил кофе? Использовать электроприборы в школе! Смелость! Через неделю каникулы, а после каникул сразу пробный экзамен, учишь больше, понял?

— Понял, — Фу Синчэнь действительно не ожидал, что это коснётся его.

Цуй Янь продолжила читать лекцию об учёбе, и количество слов учителя обычно обратно пропорционально количеству учеников перед ней. Фу Синчэнь уже устал стоять, когда Цуй Янь наконец отпустила их.

Черты лица Фу Синчэня от природы были мягкими, и, устав стоять, он говорил так, словно

озеро нежности:

— Учительница, могу я взять выходной после обеда?

Он, похоже, не слышал, что Цуй Янь только что говорила об учёбе.

— Зачем?

— Забрать сестру.

Фу Синчэнь часто брал выходные. Чэн Лисюэ ранее разрешил ему это делать, ведь те, кто уже поступил без экзаменов, имели больше свободы, чем выпускники. Цуй Янь в душе не хотела соглашаться, но на словах всё же согласилась.

Она знала, что родители Фу Синчэня были в отъезде, и думала, что его причины для выходных были вымышленными, но ничего не могла поделать.

Однако на этот раз это не было отговоркой. Фу Цинчэнь две недели назад уехала с преподавателем в другой город и возвращалась только сегодня. Фу Синчэнь хотел встретить её.

В этом году Фу Чэньюй и У Тунминь снова не возвращались на Новый год, их проект был в пустыне. Фу Синчэнь и его сестра не хотели ехать туда и планировали встретить Новый год с семьёй Мэн Мянью. Фу Цинчэнь специально подгадала время возвращения.

Фу Синчэнь и Тан Сун вышли из спортзала. Прогноз погоды предупреждал о сильном снегопаде, и небо уже хмурилось. Фу Синчэнь не хотел подниматься наверх и попросил Тан Суна сбросить ему рюкзак, а также передать И Цзялэ, что они доиграют в гомоку завтра.

Пятый этаж был не так уж низко, и Тан Сун, увидев белую фигуру Фу Синчэня внизу, почувствовал лёгкое головокружение, словно сбрасывали не рюкзак, а его самого.

Фу Синчэнь, перекинув рюкзак через плечо, помахал Тан Суну и ушёл.

Моя сестра всегда говорила, что моё имя красивое и величественное, а её имя — обычное. Я хотел сказать, что это так.

— Фу Синчэнь

Фу Цинчэнь больше любила своего брата в детстве. Хотя сама она была маленькой, она обожала ещё более маленького Фу Синчэня. Но чем старше он становился, тем больше терял свою детскую миловидность, его лицо приобретало угловатость, и его уже нельзя было так легко щипать.

Фу Цинчэнь считала, что он вырос не таким, как раньше, и, что удивительно, Фу Синчэнь думал так же.

В детстве Фу Цинчэнь была маленькой взрослой, читала «Пипа син», перевирая слова: «Цаоцаоцецуоцзатань, дачжусяочжулоипань», и, когда её спрашивали, что это значит, отвечала: «Цаоцаоцеце кушаем, дачжусяочжу на тарелке». Она была очень милой, но сейчас всё изменилось, и она пишет такие толстые работы, что это уже не так весело.

Фу Цинчэнь приехала на поезде. Сильный снегопад остановил все рейсы в городе В, и, когда Фу Синчэнь встретил её, шёл снег, но на улице было не холодно.

Фу Цинчэнь принесла зонт и, увидев Фу Синчэня, передала его ему, чтобы он держал, а сама позвонила преподавателю, чтобы сообщить о своём прибытии.

Знакомые и незнакомые люди говорили, что Фу Синчэнь обладает хорошими манерами: помогает девушкам носить книги, дежурит. Но всё это было не от природы, а результатом тренировок со стороны старшей сестры.

Фу Цинчэнь не хотела сделать из брата кого-то особенного, она просто была ленивой. Ленив была семейной чертой.

Она закончила разговор с преподавателем и сказала Фу Синчэню:

— Что будем есть? Я умираю от голода.

— Около Девятой средней школы есть ресторан с горячими горшочками.

Фу Цинчэнь, засунув руки в карманы, оглядела его:

— А твой желудок?

— Всё в порядке, я буду есть томатный суп.

— Тогда хорошо, а я и Мянью Мянью возьмём острый.

Мэн Мянью не пошла с Фу Синчэнем, она уже ждала их в ресторане, но, когда они пришли, неожиданно увидели Лян Иня.

Лян Инь и Мэн Мянью стояли близко друг к другу, обсуждая, что заказать.